

«Зимние» стихи А. С. Пушкина и О. Э. Мандельштама на уроке литературы в 11 классе

Л. Д. Гутрина
Екатеринбург, Россия

Аннотация. Урок по «зимним» стихотворениям О. Э. Мандельштама 1936 года в 11 классе предлагается провести на сопоставлении с «зимними» стихотворениями А. С. Пушкина. В процессе урока акцентируется ритмическое, образно-мотивное родство стихотворений двух поэтов. На этапе рефлексии делаются выводы о роли диалога с А. С. Пушкиным в лирике О. Э. Мандельштама.

Ключевые слова: преподавание литературы в старших классах, О. Э. Мандельштам, Пушкин и Мандельштам, изучение лирики в школе, сопоставительный анализ.

L. D. GUTRINA. *The “Winter” poems by A. S. Pushkin and O. E. Mandelstam at literature lessons in the 11th grade*

Abstract. The lesson is about “winter” Mandelstam’s poems of 1936 year in the 11th grade are invited to spend on a comparison with the “winter” Pushkin’s poem. In the course of the lesson focuses rhythmic, figurative poems motivic kinship between the two poets. At the stage of reflection conclusions about the role of dialogue with the Pushkin in the Mandelstam lyrics.

Keywords: the teaching of literature in high school, O. E. Mandelstam, Pushkin and Mandelstam, studying poetry in school, a comparative analysis.

Школьный курс литературы, начиная с первого класса, включает «зимние» стихотворения А. С. Пушкина. «Зимний вечер» (1825), «Зимняя дорога» (1826), «Зимнее утро» (1829), «Бесы» (1830) — при очевидной глубине содержания — настойчиво включаются методистами в школьные программы если не начальной школы, то среднего звена. Хотя на школьных уроках литературы, по преимуществу, разговор о пушкинских текстах идет на уровне эмоционального постижения, выявления основных средств выразительности, польза в таком подборе текстов все же есть: «зимние» стихотворения А. С. Пушкина становятся «первичным лексиконом» школьника уже в среднем звене. Как нам кажется, учителю следует использовать это в дальнейшем — при знакомстве с «зимними» текстами других поэтов, поскольку прием сопоставления — универсальный методический прием, не утрачивающий своей эффективности и в условиях изменяемых стандартов; сопоставление такого рода не только сделает более очевидной творческую индивидуальность еще не известного поэта, но и позволит углубиться в тексты, известные с детства.

Проводя уроки по поэзии О. Э. Мандельштама в 11 классе в условиях минимального числа учебных часов, предлагаем сделать узловой для урока такую проблему: «Можно ли считать совпадения в стихотворениях А. С. Пушкина и О. Э. Мандельштама случайными? Каков эффект использования пушкинских цитат в стихотворениях О. Э. Мандельштама?». Учителю следует знать, что в интертекстуальном поле лирики Мандельштама именно А. С. Пушкину принадлежит самое важное место. Об этом в связи с разными текстами неоднократно высказывались замечательные мандельштамоведы; о глубинной связи лирики О. Э. Мандельштама с творчеством

А. С. Пушкина писали, в частности, В. В. Мусатов [Мусатов 1998], Н. А. Петрова [Петрова 2001], Д. Черашняя [Черашняя 2006]. Использование аллюзий к жизни и творчеству Пушкина связано в лирике Мандельштама с осмыслением *судьбы поэта*. Помимо того, что факты собственной жизни воспринимаются Мандельштамом как «эхо» происшедшего с Пушкиным век назад, Мандельштам рассматривает такие грани проблемы «судьба поэта», как «поэт и толпа», «поэт и власть», «миссия поэта».

Вступительное слово к уроку может быть достаточно кратким: учитель скажет о том, что поэты и писатели часто цитируют написанное до них; что цитата может быть точной и неточной, она может быть закавычена и дана без кавычек; писатель может назвать произведение, к которому он апеллирует, а может только намекнуть на него. Далее можно сказать, что О. Э. Мандельштам, поэт, о котором предстоит говорить, как раз требовал от читателя «владения упоминательной клавиатурой» [Мандельштам 1990: 218]: читатель должен быть «чувствителен к намекам» [Мандельштам 1990: 217], — считал поэт. Можно вспомнить с ребятами, что ранний Мандельштам относил себя к акмеистам, для которых культура была высшей ценностью. После следует подчеркнуть, что в центре внимания на уроке будут стихотворения позднего Мандельштама, написанные в 1936 году, а целью урока станет «узнавание» ребятами в стихотворениях Мандельштама уже известных произведений и ответ на вопрос: «А что переклички с другими текстами дают читателю» (также см. вариант постановки проблемы чуть выше)?

Далее предложим ребятам записать в тетрадь названия тех стихотворений о зиме, которые они помнят, из которых могут что-то процитировать. «Первичный лексикон» учащихся выведет на поверхность урока стихотворения А. С. Пушкина. На данном этапе предлагаем выдать школьникам распечатки названных выше стихотворений А. С. Пушкина. В течение 4–5 минут ребятам нужно вспомнить стихотворения и схематично изобразить на бумаге ту картину мира, которая складывается в процессе чтения стихотворений: велик или мал мир, замкнут или открыт, подвижен или статичен; где в нем находится человек? И один ли он там? Затем предлагаем ребятам либо изобразить варианты на доске, либо озвучить с помощью приема «устное словесное рисование». В итоге на доске фиксируются основные образы и мотивы пушкинских «зимних стихотворений», их эмоциональная палитра. Предполагаем, что данная часть урока может завершиться следующими выводами.

В стихотворениях «Зимний вечер», «Зимняя дорога», «Бесы» [Пушкин 1985: 362; 387; 476–477] мир, окружающий человека, осмысляется как враждебный, хаотичный, как арена действия мистических сил: «*Буря мглою небо кроет, / Вихри снежные крутя; // То, как зверь, она завоет, / То заплачет, как дитя, / То по кровле обветшалой / Вдруг соломой зашуршит...*»; «*Мчатся тучи, выются тучи... Бесконечны, безобразны, / В мутной месяца игре / Закружились бесы разны / Слово листья в ноябре*». Человек в этих стихотворениях показан в ситуации бездорожья («Бесы»), «скучной дороги» («Зимняя дорога»: «*По дороге зимней, скучной / Тройка борзая бежит, / Колокольчик однозвучный / Утомительно гремит*»), вынужденной дороги («Дорожные жалобы»: «*Долго ль мне бродить по свету?...*»), а если он и отделён от бушующего хаоса какой-то преградой, то она крайне ненадёжна («*Наша ветхая лачужка / И печальна, и темна...*»). В «Зимнем вечере» акцентирована пространственная деталь «окно», также указывающая на хрупкость укрытия: «*То, как путник запоздалый, К нам в окошко застучит [...] Что же ты, моя старушка, приумолкла у окна?*». Вместе с тем в стихотворениях Пушкина «Зимний вечер», «Зимняя дорога» лирический герой показан в ситуации коммуникации («Скучно, Нина...»; «Выпьем, добрая подружка Бедной юности моей...»), благодаря чему ощущение тоски приглушается.

Основная часть урока строится как коллективно-распределительная работа: каждая из групп получает стихотворение О. Э. Мандельштама («Ночь. Дорога. Сон первичный...», «Вехи дальние обоза...», «Где я? Что со мной дурного?») [Мандельштам 1995: 255; 256]). Задача этапа — во-первых, обнаружить отголоски пушкинских стихотворений в мандельштамовских текстах, во-вторых, — проследить, что происходит с образами и мотивами пушкинских «зимних» стихотворений. Для организации работы ребят в группах предложим следующие вопросы: 1) сходно или отлично звучание стихотворений двух поэтов? Какой стихотворный размер моделирует поэтическую интонацию? 2) похож или нет мир, изображённый у Мандельштама, на мир стихотворений Пушкина? Чем? Может ли герой стихотворения участвовать в жизни зимнего мира? 3) какую роль в стихотворениях двух поэтов играет такая деталь, как окно? 4) есть ли у героев Мандельштама и Пушкина собеседники?

В процессе работы школьники, скорее всего, придут к следующим выводам (или сделают наблюдения подобного рода):

Лирический герой стихотворений Мандельштама отделён от мира стеклом окна («*Белизна снегов*

гагачья/*Из вагонного окна*»; *«Вехи дальнего обоза Сквозь стекло особняка»*; *«Только города немого/В гололедицу обзор,/Только чайника ночного/Сам с собою разговор...»*), но, в отличие от пушкинских стихотворений, эта деталь не подчёркивает зыбкости преграды, защищающей от враждебного мира, а акцентирует изоляцию героя.

Стихотворения этой группы объединяются мотивом движения, однако движущийся объект (поезда, обоз) удален от лирического героя. Сам герой всегда лишен возможности перемещения, что вновь отличает стихотворения Мандельштама и Пушкина.

Мотив движения своеобразно решается в стихотворении «Ночь. Дорога. Сон первичный...». На поверхности — ситуация движения лирического героя (слова «Ночь. Дорога...» сказаны им и о себе самом), однако оказывается, что его передвижение осуществляется в пространстве сна. Мир, который предстает во сне лирического героя, связан с мотивом избыточности:

*Что мне снится? Рукавичный,
Снегом пылущий Тамбов
Или Цны — реки обычной —
Белый, белый бел-покров...
Или я в полях совхозных
Воздух в рот и жизнь берет
Солнц подсолнечника грозных
Прямо в очи оборот?*

Грозные солнца подсолнечника спят, а воздуха так много, что он мешает дышать; наконец, в этих строках прочитывается фразеологизм «брать в оборот», причем субъектом этого действия оказывается сама жизнь. Другой подчеркнутый мотив — мотив неопределенности, создаваемый за счет использования вопросительных конструкций с «или» («*Или Цны... белый, белый бел-покров?... Или я в полях?...*»). В итоге, мир, возникающий в стихотворении «Ночь. Дорога...» Мандельштама, оказывается очень похожим на враждебный человеку мир пушкинских «зимних» стихотворений.

Реалии художественного мира стихотворения «*Вехи дальнего обоза...*» тесно связаны с «Зимним утром» [Пушкин 1985: 453] А. С. Пушкина. Там, где у Пушкина «*мороз и солнце*», — у Мандельштама: «*От тепла и от мороза...*»; где у Пушкина «*Прозрачный лес один чернеет, И ель сквозь иней зеленеет, И речка подо льдом блестит...*» — у Мандельштама река, еловый лес, «*чернил воздушных проза*». Лирический герой стихотворения «*Вехи дальнего обоза...*» всматривается в мир за окном так же, как и герой пушкинского стихотворения.

Но если у Пушкина герой не один, а с возлюбленной, и в любой момент они могут выйти за пределы уютного маленького мира («Скользя по утреннему снегу, Друг милый, предадимся бегу Нетерпеливого коня»), то в стихотворении Мандельштама герой одинок и не может покинуть пространство своей комнаты. Лирическому герою стихотворения Мандельштама позволено лишь созерцать мир, но не участвовать в его жизни; об этом говорит, например, пронизанность зимнего пейзажа мотивами художественной условности: лес назван «лиловым» (этот эпитет в одном из стихотворений характеризует чернила — «толковые лиловые чернила»); облака — это письма «воздушными чернилами» («*Лишь чернил воздушных проза Неразборчива, легка*»); наконец рама окна служит рамой для изображённой картины.

Если герой пушкинского стихотворения видел то, чего не увидеть простым глазом («*И ель сквозь иней зеленеет, И речка подо льдом блестит*»), — может быть, в силу поэтического воображения, а может, от счастья — то герой Мандельштама совсем не уверен в том, что он видит: «*И какой там лес — еловый?/Не еловый, а лиловый, —/И какая там береза,/Не скажу наверняка...*».

Стихотворение «*Где я? Что со мной дурного?..*» в большей степени перекликается с «Зимним вечером». И в том, и в другом стихотворениях лирический герой прислушивается к звукам за окном: герой Пушкина слышит завывание и плач вьюги («То, как зверь, она завоет, То заплачет, как дитя»), герой Мандельштама — лишь *отдалённые гудки поездов* («В гуще воздуха степного/Переключка поездов/Да украинская мова/Их растянутых гудков»); мир, который находится в непосредственной близости от героя стихотворения «*Где я? Что со мной дурного?*», нем («Только города немого/В гололедицу обзор...»). В стихотворении Пушкина лирический герой находил спасение в возможности разговора с няней («Что же ты, моя старушка, Приумолкла у окна? Или бури завываньем Ты, мой друг, утомлена? Или дремлешь под жужжанье Своего веретена?»), герой Мандельштама — абсолютно одинок, ведь даже закипевший чайник ведёт «*сам с собою разговор*». Синтаксический параллелизм 5–6, 7–8 строк стихотворения, анафорическое повторение частицы «только» создают ощущение однообразия и формируют семантику ограничения.

В итоге, в трех «зимних» стихотворениях Мандельштама разрабатывается тема оторванности человека от мира, от людей, затруднённости и даже невозможности существования. Своеобразие грамматического строения предложений в рассмотренных

нами стихотворениях, а именно *обилие односоставных назывных* («Ночь. Дорога. Сон первичный...» — семь назывных; «Вехи дальнего обоза...» — три назывных предложения; «Где я? Что со мной дурного?» — семь из десяти), способствует созданию атмосферы статики. В. В. Мусатов говорит о состоянии «мертвой точки» в связи со стихотворениями «Второй Воронежской тетради», в которую и входят данные стихотворения Мандельштама [Мусатов 1998: 477].

В процессе разговора попросим ребят показать изменения картины мира у Мандельштама на тех схематичных рисунках, которые сделаны в начале урока в связи со стихотворениями А. С. Пушкина.

Осознание сходства и контрастности стихотворений Пушкина и Мандельштама о зиме не является достаточным итогом урока. Для углубления рефлексии **на последнем этапе урока** следует рассказать ребятам, в каких обстоятельствах создавались «зимние» стихотворения Мандельштама, — в период Воронежской ссылки, причиной которой стали сатирические строки в адрес И. В. Сталина. Следует рассказать о подробностях быта Мандельштамов в Воронеже, о безденежье, о невозможности работать и зарабатывать, о письмах Мандельштама К. Чуковскому, Н. Тихонову, Б. Пастернаку [Мандельштам 1993: 173–182]. В результате анализ стихотворного текста наполнится человеческим смыслом, станет документом эпохи. Завершить урок можно либо беседой, либо письменной работой на тему: «Что дает именно такое чтение стихотворений Мандельштама — с выявлением цитат?». Варианты ответов многообразны: во-первых, подобное чтение помогает понять творческую манеру самого Мандельштама; во-вторых, удивиться тому, что Пушкин для поэта 20 века — постоянный собеседник. В-третьих, подобный тип чтения говорит нам о значимости

датировок в литературном произведении: то, что стихотворения Мандельштама датированы концом 1936 года — в непосредственной близости от даты трагической смерти А. Пушкина на дуэли ровно век назад — говорят о том, что Мандельштам ситуацию кончины Пушкина переживал остро и, возможно, проецировал на собственную жизненную ситуацию (Мандельштам погибнет в пересыльном лагере недалеко от Владивостока в декабре 1938 года). Наконец, подобный способ разговора о стихотворениях двух поэтов выводит на размышления об историческом времени, которое наложило сильный отпечаток на «зимнюю образность» поэзии О. Мандельштама, отдаляя его от Пушкина и парадоксально сближая с ним.

ЛИТЕРАТУРА

Мандельштам О. Э. Полное собрание стихотворений. СПб: Академический проект, 1995.

Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 4. Письма. М.: Арт-Бизнес-Центр. 1993.

Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т. 2./сост. П. М. Нерлера, С. С. Аверинцева. М.: Худож. лит., 1990.

Мусатов В. В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М: Издательский центр РГГУ, 1998.

Пушкин А. С. Сочинения: в 3 тт. Т. I М.: Худож. лит., 1985.

Петрова Н. Литература в неантропоцентрическую эпоху. Опыт О. Мандельштама. Пермь: Пермский государственный пед. университет, 2001.

Черашняя Д. И. Тайная свобода поэта. Пушкин. Мандельштам. Ижевск: Ин-т комп. исследований, 2006.

ДАнные об авторе

Гутрина Лилия Дмитриевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики ее преподавания Уральского государственного педагогического университета.

Адрес: 620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Эл. почта: gutrina@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR

Liliya Dmitrievna Gutrina is a Candidate of Philology, Docent of the Department of Literature and Methods of Teaching of the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg)..